

Миграционная лингвистика. 2025. № 7. С. 34–59.

Migration linguistics. 2025. No. 7. Pp. 34-59.

Научная статья

УДК 811.111'25

ТРАНСЛЯЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Данил Алексеевич Колотов²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено особенностям перевода миграционного дискурса с английского на русский язык. Во всем мире, включая нашу страну, активно обсуждается роль и значение миграционных процессов. Особое внимание уделяется их влиянию на формирование идентичности, языковую ситуацию и национальную безопасность, что обуславливает интерес лингвистов к этой теме. В связи с масштабами миграционных потоков и количеством задействованных социальных участников возникает необходимость систематизации как общих знаний, так и специальной лексики в области миграции. Перевод аутентичных текстов способен помочь выполнить эти задачи. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью создания общедоступного языка в сфере миграции, что является ключевым условием для успешной реализации миграционной политики и обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. Исследование направлено на изучение специфики англоязычного миграционного дискурса с точки зрения перевода.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, перевод, русский язык, английский язык.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Колотов Д. А. Трансляция англоязычного миграционного дискурса на русский язык // Миграционная лингвистика. 2025. № 7. С. 34–59.

Original article

TRANSLATION OF ENGLISH-LANGUAGE MIGRATION DISCOURSE INTO RUSSIAN

Ekaterina O. Zubareva¹, Danil A. Kolotov²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the peculiarities of the translation of migration discourse from English into Russian. The role and importance of migration processes are being actively discussed all over the world, including our country. Special attention is paid to their influence on the formation of identity, the linguistic situation and national security, which determines the interest of linguists in this topic. Due to the scale of migration flows and the number of social actors involved, there is a need to systematize both general knowledge and special vocabulary in the field of migration. Translating authentic texts can help you accomplish these tasks. The relevance of this study is due to the need to create a publicly accessible language in the field of migration, which is a key condition for the successful implementation of migration policy and ensuring effective intercultural communication. The research is aimed at studying the specifics of the English-language migration discourse from the point of view of translation.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, translation, Russian, English.

For citation: Zubareva E. O., Kolotov D. A. Translation of English-language migration discourse into Russian. Migration linguistics. 2025;7:34-59. (In Russ.).

Введение

Статья посвящена особенностям перевода миграционного дискурса с английского языка на русский язык. Во всем мире, включая нашу страну, активно обсуждается роль и значение миграционных процессов. Особое внимание уделяется их влиянию на формирование идентичности, языковую ситуацию и национальную безопасность, что обуславливает интерес лингвистов к этой теме. В связи с масштабами миграционных потоков и количеством задействованных социальных участников возникает необходимость систематизации как общих знаний, так и специальной лексики в области миграции. Перевод аутентичных текстов способен помочь выполнить эти задачи.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью создания общедоступного языка в сфере миграции, что является ключевым условием для успешной реализации миграционной политики и обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. Исследование направлено на изучение специфики англоязычного миграционного дискурса с точки зрения перевода. В современной лингвистике понятие «дискурс» представляет собой сложный и многоаспектный объект исследования, что подтверждается разнообразием его интерпретаций как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Корни теории дискурса уходят к концепции Э. Бенвениста, который определяет его как синтез языка и человеческого фактора [Бенвенист 1974: 312]. Отечественные лингвисты часто определяют дискурс как связный текст или речевой акт, или как «язык в языке», он «существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете особый мир» [Степанов 1995: 45].

Зарубежные лингвисты под дискурсом понимают «эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [Гийом, Мальдиье 1999: 124]

или «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстравербальные факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Ван Дейк 1989: 7].

Авторы статьи придерживаются структурно-синтаксического подхода и нам импонирует такое определение дискурса как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки...» [Демьянков 1979: 7]. Мы солидарны с мнением о том, что дискурс строится вокруг определённой тематики, что даёт возможность классифицировать различные типы дискурса.

В рамках современной лингвистики возрастает актуальность исследования связи между миграцией и языком, миграционного нарратива и его специальных языковых средств. Данный интерес обусловлен необходимостью детального изучения миграционной проблематики и межкультурного взаимодействия, что привело к появлению и развитию научного направления – миграционной лингвистики, ставшей самостоятельной отраслью в лингвистике [Шустова 2018; Kerswill 2006]. Сегодня миграционная лингвистика уже является академической дисциплиной, например, в университете им. Альберта Людвига (г. Фрайбург) или в Бамбергском университете им. Отто Фридриха, в рамках которой миграция изучается как главный фактор языковой вариативности [Панарина, Пищальникова и др. 2022: 13].

Объектом миграционной лингвистики выступает миграционный дискурс. Изучение миграционного дискурса включает в себя непрофессиональные дискурсы, возникающие между мигрантами и принимающими сообществами по мере их взаимодействия друг с другом в повседневных контекстах, а также элитные дискурсы о миграции, часто возникающие в институциональных контекстах, которые формулируют ее определенным образом и для различных целей [Guillem 2015].

Выделение миграционного дискурса как самостоятельного типа дискурса представляется вполне оправданным. Ранее мы определили дискурс как коммуникативное образование, формирующееся вокруг опорного концепта. В данном случае опорный концепт – миграция. Учитывая, что дискурс понимается как совокупность произвольных текстов, объединенных общей темой, также позволяет выделять миграционный дискурс как особый тип дискурса. Феномен миграции широко обсуждается на разных уровнях, что фиксируется в текстах разных жанров, от рекламных брошюр до научных текстов. Рассматривая дискурс как социальную практику, миграционный дискурс обособляется благодаря наличию большого количества участников, например, мигранты, беженцы, принимающее общество, органы власти, социальные работники, учителя и др.

В широком понимании миграционный дискурс можно рассматривать как особую форму общения; социальное взаимодействие; культурный феномен; экономический товар (он может быть куплен или продан, например, в виде газеты или книги); идеологический конструкт [Gee 1999; Van Dijk 1980].

Т. Ван Дейк определяет миграционный дискурс как сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты. Понимая всю сложность феномена миграции, он предлагает рассматривать этот вид дискурса в рамках модульной структуры. Модуль представляет собой семантическую макроструктуру, состоящую из макропозиций, включающих локальные значения дискурса. В первую очередь, ученого интересует критический и идеологический параметр изучения миграционного дискурса, поэтому он предлагает такие модули, как причины миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика [Dijk 2018]. Список модулей, можно значительно расширить, включив и другие: участники миграции, виды миграции, типы мигрантов, мигрантофобия, социальная мобильность, терроризм, толерантность и лингвотолерантность, мультикультурализм, туризм и др. [Зубарева 2019].

Миграционный дискурс только формируется посредством изучения его ключевых категорий. Исследования проводятся на материале русского, немецкого, английского и французского языков [Зубарева, Хамадиев 2023; Двойникова 2023; Зубарева, Ложкина 2024]. При этом практически нет работ, посвященных именно переводческому аспекту и особенностям англоязычного миграционного дискурса. В данной работе авторы исследуют особенности трансляции англоязычного миграционного дискурса на русский язык, уделяя особое внимание переводу специальной лексики в области миграции и его стилистическим особенностям.

Основная часть

Материалом для исследования послужила статья из научного журнала «Journal of Immigrant and Refugee Studies» А. Триандафиллидоу и др. «Rethinking Migration Studies for 2050», опубликованная в 2024 г. [Triandafyllidou A. et.al]. Рассмотрим две ключевые лексические единицы в миграционном дискурсе *migration* и *mobility*. В первую очередь, мы обратились к толковым и специализированным словарям, а также к глоссариям по миграции. Исходя из зафиксированных значений, под миграцией понимается любое *территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности* [Юдина 2007]; *the movement of persons away from their place of usual residence, either across an international border or within a State* [Glossary on migration]. В отличии от лексемы *мобильность*, которая определяется как *подвижность* [Большой энциклопедический словарь] или *перемещение людей из одной*

социальной группы, класса или уровня в другой или с одного социального или экономического уровня на другой [Этнопсихологический словарь; The Free Dictionary]. Данная категория отражает, что территориальное перемещение неизбежно ведет к другим многочисленным изменениям: культура, социальный и материальный статус, самоидентификация и т. д., и совсем не обязательно «перемещение» должно сопровождаться сменой места жительства.

В анализируемой статье авторы четко разграничивают эти две категории. Например, по контексту один из авторов указывает на изменение своей идентичности, в силу цифровизации, что позволяет рассматривать мобильность как более широкую категорию. И при переводе статьи мы также не взаимозаменяем эти категории и не считаем их синонимичными.

As such migration and mobility are shaped by broader processes of globalization, development, technological transformation, urbanization ... – Таким образом, миграция и мобильность являются следствием более широких процессов глобализации, развития, технологической трансформации и урбанизации...¹

For instance, migration researchers are better equipped to reflect on ‘reverse operationalization’ and its implications, where the mobility definition is often derived from the measure used. – Например, исследователи миграции лучше подготовлены к размышлению об «обратной операционализации» и ее последствиях, когда определение мобильности часто выводится из количественных оценок.

Интересно отметить, что статья написана коллективом авторов, каждый раздел статьи написан разными авторами, первый автор Анна Триандафиллиду считает, что мобильность шире, чем миграция, а Питер Шолтен, наоборот, что миграция включает разные типы мобильности.

Migration scholars have also increasingly come to understand migration as a complex set of ‘mobilities’ rather than as the traditional linear scheme of emigration – immigration – integration. – Ученые все чаще приходят к пониманию миграции как сложной системы «мобильностей», а не как устоявшейся линейной схемы эмиграции – иммиграции – интеграции.

Этот момент доказывает, что миграция и мобильность действительно являются сложными и противоречивыми феноменами, разные исследователи выдвигают свои концепции и аргументируют их.

В процессе перевода, мы обратили внимание на примеры, в которых встречаются адъективные коллокаты с этими базовыми категориями и как данные словосочетания можно переводить на русский язык при помощи различных переводческих методов: *cross-border mobility* / международная мобильность, *global transnational mobility* / глобальная

¹ Здесь и далее перевод наш.

транснациональная мобильность, *spatial mobility* / пространственная мобильность, *physical mobility* / физическая мобильность, *virtual mobility* / виртуальная мобильность, *digital mobility* / цифровая мобильность, *saturated mobility* / интенсивная мобильность, *talent mobility* / утечка мозгов; *mixed migration* / смешанная миграция, *forced migration* / вынужденная миграция, *survival migration* / миграция выживания, *economic migration* / экономическая миграция, *family migration* / семейная миграция, *temporary migration* / временная миграция, *circular migration* / циркулярная миграция, *irregular migration* / нерегулярная миграция.

Таким образом авторы выделяют характерные особенности двух категорий, обращая наше внимание на то, что миграция – это, в первую очередь, территориальное передвижение, а мобильность не обязательно должна быть территориальной. Автор говорит о том, что молодые люди могут не ограничивать свои передвижения в виртуальном мире, но при этом оставаться на месте. Используемые адъективные коллокаты подтверждают идею о том, что мобильность шире, чем миграция. Такой тип миграции как *mixed migration* / смешанная миграция, авторы интерпретируют как миграционные потоки, вызванные гуманитарными, экономическими, финансовыми причинами. Еще один тип *survival migration* / миграция выживания, указывает на случаи, когда государство не в состоянии обеспечить людей базовыми условиями для жизни.

Исходя из выше сказанного, мы хотели бы отметить, что существует широкая классификация миграции и мобильности, каждый отдельный тип оказывает определенное влияние на идентичность и гражданство и связан с конкретными аспектами.

Рассмотрим один из ярких примеров, демонстрирующий такой тип мобильности как *talent mobility*.

Apart from several gaps still to be addressed in future migration research, the emergence of new mobilities (driven by investment or entrepreneurial projects, digital nomadism, talent mobility, etc.) or shifting international migration trends (e.g. recent immigration to countries traditionally considered as emigration states and vice versa) also deserve our attention in the coming years. – Помимо еще нескольких нерешенных вопросов в будущих миграционных исследованиях, также заслуживают нашего внимания возникновение новых видов мобильности (инвестиционными или предпринимательскими проектами, цифровым кочевничеством, утечкой мозгов и т. д.) или изменение тенденций международной миграции (например, недавняя иммиграция в страны, традиционно считающиеся странами эмиграции, и наоборот).

В данном контексте, если использовать прием калькирования, то получается при трансляции на русский язык «талантливая мобильность» или *мобильность талантов*. В процессе перевода текста, мы неоднократно обращались и изучали глоссарии по миграции, в которых зафиксирован такой тип мобильности, как *утечка мозгов*, который определяется как *переманивание высококвалифицированных специалистов* [Юдина 2007]. В англоязычных

толковых словарях и глоссариях по миграции зафиксирован синонимичный термин *brain drain* со значением: 1) *the loss of skilled intellectual and technical labor through the movement of such labor to more favorable geographic, economic, or professional environments* [The Free Dictionary]; 2) *Depletion of human capital in a specific occupation or economic sector resulting from the emigration of skilled workers engaged in this occupation or sector from the country of origin to another country (or from one region of a country to another – internal migration)* [Glossary on migration]. Автор таким способом акцентирует внимание на недостатке или отсутствии высококвалифицированных специалистов, которые перемещаются не только за границу, но и внутри страны. Именно поэтому мы приняли решение использовать при переводе данный эквивалент, понятный для целевой аудитории и соответствующий международной терминосистеме в области миграции.

Проанализировав подобные словосочетания, можно заключить, что в основном они переводятся с помощью эквивалентных соответствий или прямого перевода, реже необходимы и другие приемы, модуляции или экспликации. Эквивалентные соответствия найдены в миграционных глоссариях [см, например, Юдина 2007; Glossary on migration].

Рассматривая категории миграция и мобильность, мы обратили внимание на то, как авторы применяют различные способы их интерпретации, в частности поясняя причины, провоцирующие передвижение населения, в процессе перевода нам встретились такие примеры, как *move for leisure, to visit family and friends, to search for better living and working conditions, to seek protection, natural disaster, war, the search for a better future, environmental deterioration, conflicts, moving for business, climate change, pandemics, the complex situations, acquisition of lands, social inequalities, socio-political tensions, unemployment, poverty*.

Примеры демонстрируют как позитивный, так и негативный характер миграционных процессов, которые могут быть вызваны огромным количеством причин и обстоятельств, а также подчеркивают, что миграция отражается на политическом, экономическом и социальном уровнях, то есть затрагивает многие сферы жизнедеятельности.

Отметим, что в статье используются такие синонимы как *mobilization, movements, travel, tourism*, именно поэтому при их переводе в некоторых предложениях применяется прием генерализации с грамматической заменой числа, например, в случае с лексемой *movements*:

While global movements existed for thousands of years, advanced technologies and socio-political-economic dynamics within and across nations have contributed to intensified cross-border mobility of people... – Хотя глобальная миграция существовала на протяжении тысячелетий, передовые технологии и социально-политическая и экономическая динамика внутри стран и между ними способствовали усилению международной мобильности людей ...

Данный пример говорит о том, что миграция – это не частное явление, а постоянный процесс, который происходит по всему миру.

Приведем еще один пример, в котором существительное *migration* трансформируется в глагол.

Here I echo the point made by Dahinden (2016) that migration studies need to contribute to a de-migrantization of many of the things we now (almost naturalizing) associate with migration and with migrants. – Здесь я поддерживаю точку зрения Дахиндена (2016) о том, что миграционные исследования должны способствовать демигрантизации многих вещей, которые мы сейчас, по привычке, связываем с миграцией и мигрантами.

Лексема *de-migrantization*, является авторским неологизмом в сфере миграции и в переводе мы используем калькирование. Этот пример демонстрирует, что данная область действительно еще только находится на стадии развития и не обладает устойчивой лексической системой или своим субъязыком.

Автор также разграничивает такие понятия как *migration* и *displacement*.

They have also not been sufficiently connected to the mobility of the cosmopolitan ‘nomads’ of Bauman or of the creative class as Richard Florida labeled them who may follow opportunities arising in an interconnected global economy – opportunities that may be intimately connected with the displacement or migration processes that the ‘vagabond’ groups experience. – Они также не были в достаточной степени связаны с мобильностью космополитических «кочевников» Баумана или «творческого класса», как их назвал Ричард Флорида, которые могут следовать возможностям, возникающим во взаимосвязанной глобальной экономике, – возможностям, которые могут быть тесно связаны с процессами вынужденного перемещения или миграции, которые практикуют группы «бродяг».

Лексема *displacement*, согласно толковым словарям, определяется как *the act of displacing or the condition of being displaced* [The Free Dictionary]. Таким образом автор подчеркивает, что миграция представляет собой добровольный процесс, который может быть связан с работой, учебой, отдыхом, и предлагает отдельный термин для того, чтобы выделить, что перемещение происходит вынужденно по разным причинам. В переводе разграничение сохраняется с помощью конверсии и антитезы вынужденная / добровольная миграция.

В других примерах данная лексема переводится с помощью экспликации.

Taking stock of these observations, I am distinguishing among four types of mobility today: travel (people moving for business or leisure); migration (notably people moving in search of better living and working conditions or to reunite with family); asylum (people moving to seek international protection); and displacement (people or communities being forcibly moved). – Обобщая эти наблюдения, я различаю четыре типа современной мобильности: путешествие (люди, перееезжающие из-за работы или для отдыха); миграция (в частности, люди, перееезжающие в поисках лучших условий жизни и работы или для воссоединения с семьей); поиск убежища (люди, перееезжающие в поисках международной защиты); и вынужденное переселение (люди или общины, перееезжающие не по своей воле).

Поскольку автор упоминает несколько типов мобильности, в каждой из которых дает пояснение, нами было принято решение использовать синоним *вынужденное переселение*. Это позволяет подчеркнуть аспект насильственного перемещения, поскольку люди лишены возможности оставаться в своих родных местах из-за различных внешних факторов, таких как войны, экологические катастрофы и многое другое, тем самым люди переезжают не по своей воле. Также, это позволяет нам рассматривать мобильность в более широком контексте, в котором могут прослеживаться как частные случаи, так и перемещения больших групп людей. Стоит отметить, что в толковых словарях также зафиксировано определение *a person forced to leave his own country as a result of war* [The Free Dictionary]. Такое решение позволяет нам сохранить контекст, более точно передать мысль автора и сохранить языковую стилистику.

В тексте присутствует лексема *eviction*, которая зафиксирована, как 1) *to force out*; 2) *to put out (a tenant, for example) from a property by legal process; expel* [The Free Dictionary] и является синонимом лексемы *displacement*, что является подтверждением нашего выбора, перевести *displacement* именно как *вынужденное переселение*.

A comprehensive view of the future of human mobility requires us to take a closer look into community displacement – particularly the loss of habitat through forced evictions for market purposes (because of acquisition of lands by foreign governments and investors or because of gentrification within large cities) or because of climate change.... – Для комплексного взгляда на будущее мобильности людей нам необходимо более внимательно изучить перемещение общин, в частности, потерю места жительства в результате принудительных выселений в рыночных целях (из-за приобретения земель иностранными правительствами и инвесторами или из-за реновации крупных городов) или из-за изменения климата...

Необходимо выделить еще один синоним лексемы *displacement*, а именно *forced migration*, но между ними существует отличие, поскольку *forced migration* обозначает случаи, когда люди вынуждены мигрировать из-за военных конфликтов, природных катастроф и т. д., а также данное понятие зачастую используется в ситуациях, когда люди перемещаются принудительно, *it is the forced removal or relocation of a person from their environment and associated connections. It can involve different types of movements, such as flight (from fleeing), evacuation, and population transfer* [The Free Dictionary]. В то время, как *displacement* применяется в случаях смены места жительства как за границу, так и внутри страны, рассматривая частные случаи, при этом люди могут не классифицироваться как беженцы, *forced displacement, by persecution or violence* [The Free Dictionary].

Разные и необычные способы интерпретации прослеживаются на протяжении всего текста статьи и доказывают, что миграция и мобильность в контексте коммуникации в реальном времени имеют гораздо более широкие значения в отличие от зафиксированных значений в словарях.

Интерес представляют примеры, иллюстрирующие специальную лексику миграционного дискурса, с точки зрения перевода и переводческих решений. Отметим большое количество примеров, в которых содержится лексика, отражающая главных участников миграционных процессов, для перевода которой также используются разные переводческие приемы.

В следующем примере *Such transnational solidarity can be that of a global ‘nation’ – an irredentist nation, a global diaspora, such as, argues Kastoryano, a transnational European Muslim community.* – Как утверждает Касторяно и международное европейское мусульманское сообщество, такая международная солидарность может быть представлена мировой «нацией», такой как, ирредентистской нации, созданной с целью построения этнически единого национального государства или мировой диаспоры, автор ссылается на европейские мусульманские общины, которые находятся в разных регионах, подчеркивая, что они могут объединяться и формировать свою идентичность, основанную на различных связях.

В данном контексте речь идет о транснациональной солидарности, которая объединяет людей на основе общих ценностей, независимо от их нахождения. Понятие ирредентизма зафиксировано в толковом словаре как 1) *a national policy advocating the acquisition of some region in another country by reason of common linguistic, cultural, historical, ethnic, or racial ties; 2) one who advocates the recovery of territory culturally or historically related to one's nation but now subject to a foreign government* [The Free Dictionary] и понимается как стремление этнической группы вернуть или создать однородное государство на основе этнической идентичности. Таким образом, автор показывает, что *транснациональная солидарность* может быть следствием создания новых видов идентичности, выходящих за рамки традиционных наций, которые могут влиять на политические процессы. Исходя из выше сказанного, мы применили прием экспликации к словосочетанию *an irredentist nation*, что позволило нам перевести как *ирредентистской нации, созданной с целью построения этнически единого национального государства*, с целью повысить понимание и адаптировать для русского читателя.

The pandemic posed questions about what temporary migration status means and what obligations and responsibilities states should have toward these vulnerable yet often essential migrant workers. – В аспекте пандемии возникают вопросы о том, что означает временный миграционный статус и какие обязательства и ответственность должно нести государство по отношению к этим социально-незащищенным, но часто необходимым трудовым мигрантам. В данном случае мы обращаем внимание на словосочетание *migrant workers*. Словосочетание, обозначающее ключевого участника миграции, было транслировано на русский язык с помощью конверсии. Такой прием объясняется тем, что в словарях, специализирующихся на миграции, зафиксировано определение *трудовой мигрант* [см., например, Юдина 2007], которое вполне понятно и привычно для целевой аудитории.

We've seen varying policy responses toward different groups of immigrants and emigrants, often reinforcing structural inequalities in accessing rights: from differentiated conditions of entry for cross-border workers to distinctive measures for essential workers, varying types and timings of interventions for undocumented or homeless migrants or a prioritization of 'deservingness' of nationals stranded abroad in need of assisted return. – Мы стали свидетелями противоречивых политических мер реагирования в отношении различных групп иммигрантов и эмигрантов, которые зачастую усиливают неравенство в правах: от разных условий въезда для низкоквалифицированных иностранных работников до специальных мер для высококвалифицированных работников, различных форм и сроков помощи нелегальным или бездомным мигрантам, или определения «достойности» сограждан, застрявших за границей и нуждающихся в помощи по возвращению.

Интересно отметить, что автор выделяет еще одних участников миграции, используя такие лексические средства, как *cross-border workers* и *essential workers*, с помощью которых приводит еще один пример неравенства, например, в правах пересечения границы, ее формы и сроков для разного уровня специалистов, тем самым, акцентирует внимание на том, что многие группы работников сталкиваются с различными трудностями в зависимости от их уровня подготовки и образования, профессий. Мы приняли решение противопоставить эти категории не прямым переводом как *международные и ценные*, а указать на их уровень профессионализма, что позволяет рассматривать миграционные процессы не только через призму экономических потребностей, а также вопросов прав человека.

Приведем еще один пример, который демонстрирует целый ряд базовых категорий англоязычного миграционного дискурса: *globalization, traveling people, borders, visas, illegal moving, returnees*. С точки зрения перевода наиболее интересными оказались такие лексемы и словосочетания, обозначающие участников миграции и их документы как: *right/wrong passports, vagabond, the cosmopolitan nomad, sans papiers*:

It was more than 20 years ago when commenting on globalization, the Polish sociologist Zygmunt Bauman (1998) wrote about the emergence of two types of 'sans papiers' people traveling in the world today: the cosmopolitan 'nomads', moving across borders whether for work or leisure, seamlessly, without visas because in possession of the 'right' passports; and the 'vagabonds', those willing but unable to move or moving illegally because in possession of the 'wrong' passports or of no passports at all. – Более 20 лет назад, комментируя глобализацию, польский социолог Зигмунт Бауман (1998) писал о появлении двух типов нелегальных мигрантов, путешествующих по миру сегодня: космополитические «кочевники», беспрепятственно пересекающие границы с целью поиска работы или отдыха без виз, поскольку имеют «правильные» паспорта; и «бродяги», те, кто хочет, но не может переехать или переезжают нелегально, поскольку имеют «неправильные» паспорта или вообще их не имеют.

В примере мы видим интересное словосочетание *sans papiers*, заимствованное из французского языка, которое имеет значение *undocumented migrant* или *undocumented* [Collins Dictionary]. Обычно оно используется в отношении людей, которые находятся на территории государства нелегально. Авторы используют стилистический прием эмфазы, употребляя иноязычное вкрапление и обращая внимание читателей на это определение. В словаре по миграции зафиксировано словосочетание *undocumented migrant* и обозначает *a non-national who enters or stays in a country without the appropriate documentation* [Glossary on migration], в другом словаре зафиксировано словосочетание *недокументированный иностранец* [Глоссарий терминов в области миграции 2005: 43]. Данные варианты перевода не являются устойчивыми словосочетаниями в русском языке, поэтому принято решение использовать более привычный аналог *нелегальный мигрант*, оно более понятно для целевой аудитории.

Лексические единицы *vagabond* и *nomad* синонимичны, в определениях встречается общее значение *бродяга*. Исходя из зафиксированного значения в словаре, *nomad* определяется как *a member of a people that has no permanent abode but moves from place to place along a traditional circuit in search of pasturage or food* [The Free Dictionary] или *persons without a fixed place of usual residence who move from one site to another, usually according to well-established patterns of geographical mobility* [Glossary on migration]. Это человек, который не имеет постоянного места жительства, и все время в движении, как правило, с целью выжить или найти более лучшие условия. Синонимичное значение и у лексемы *vagabond* – *a person who moves from place to place without a permanent home and often without a regular means of support; an idle wandering beggar or thief* [The Free Dictionary], но имеет скорее негативный оттенок. Автор статьи в данном контексте вкладывает собственный смысл, отличный от словарного значения, и разделяет эти категории, акцентируя внимание на том, что *nomad*, человек, который перемещается территориально по желанию и с определенной целью, имея соответствующие документы, но при этом делая это незаконно. *Vagabond* – человек, который хочет покинуть свою страну, но ему труднее это сделать, так как у него существуют проблемы с документами. Оба типа участников миграции относятся к нелегальным мигрантам, при этом интересно отметить, что первый тип зафиксирован в словаре по миграции, а второй – нет. Исходя из контекста и индивидуальной авторской интерпретации, мы решили перевести *nomad* как кочевники, а *vagabond* – бродяги, сохранив таким образом нейтральный и негативный оттенок значения.

... *We think of digital nomads*, notably people whose work is placeless – it happens on the internet – but who are themselves '*placed*' notably located in a country ... – ... Мы думаем о цифровых кочевниках, прежде всего, о людях, чья работа осуществляется удаленно, через Интернет, но которые находятся в чужой стране... Обратим внимание, если в примере ранее *nomad* рассматривается и переводится как нечто негативное, то здесь этого оттенка нет. Стоит отметить, что *nomad* также ассоциируется с образом жизни, который подразумевает постоянное перемещение и отсутствие стабильности, что может восприниматься негативно.

Лексема *digital* придает другое значение. Люди выбирают свой стиль жизни, что позволяет им сочетать работу и путешествия, используя современные технологии. Такой положительный оттенок подразумевает свободу выбора, инновации или индивидуальность. Лексема *placed* в данном контексте указывает на то, что люди не просто находятся в определенном месте, а осмысленно размещены, что придает значение этому расположению.

Еще одними участниками миграции являются *digital nomads* и *digi-nauts*. Автор подчеркивает людей, которые используют цифровые технологии для работы из любой точки мира, называя их *цифровыми кочевниками*, а также вводит категорию *digi-nauts*. Поскольку данная лексема не зафиксирована в толковых словарях и словарях по миграции, мы приняли решение перевести ее с помощью приема экспликации. В результате у нас получилось *люди, исследующие и осваивающие цифровые технологии и онлайн-пространства*. В данном случае автор говорит о новом поколении, которое родилось и выросло в эпоху цифровых технологий, где основным способом взаимодействия стали онлайн платформы.

Необходимо обратить внимание на еще одного интересного участника миграции *creative class*: *They have also not been sufficiently connected to the mobility of the cosmopolitan ‘nomads’ of Bauman or of the creative class as Richard Florida labeled them who may follow opportunities arising in an interconnected global economy – opportunities that may be intimately connected with the displacement or migration processes that the ‘vagabond’ groups experience.* – Они также не были в достаточной степени связаны с мобильностью космополитических «кочевников» Баумана или *«творческого класса»*, как их назвал Ричард Флорида, которые могут следовать возможностям, возникающим во взаимосвязанной глобальной экономике, – возможностям, которые могут быть тесно связаны с процессами вынужденного перемещения или миграции, которые практикуют группы «бродяг».

Данное словосочетание автор использует как перифраз для обозначения *cosmopolitan ‘nomads’*, и мы интерпретируем его как *творческий класс*, то есть сохраняем прямой перевод. Таким образом, автор подчеркивает различия между уровнем свободы движения и возможностей. Сравнение между *nomad / creative class* и *vagabond* показывает контраст между теми, кто может передвигаться в поисках возможностей, и теми, кто сталкивается с ограничениями при попытке мигрировать.

В связи с таким разграничением этих категорий, еще одной переводческой трудностью является антитеза *the ‘right / wrong’ passports*. В примере автор указывает, что кочевники, беспрепятственно пересекающие границы, имеют отличные от бродяг паспорта. Сложно понять из контекста, что именно автор подразумевает под этими словосочетаниями. Возможно, продленный отечественный или заграничный паспорт или поддельный паспорт. Нами рассматривался вариант перевода *подлинные / поддельные паспорта*, но так как автор мог предполагать нечто иное, мы отказались от такой адаптации и сохранили в переводе оригинальное прямое и широкое значение – *правильный / неправильный*.

Обратимся к похожему примеру, где автор использует еще одну интересную антитезу для определения качества документов:

Is such a new situation a potent development factor as it will do away with the division between ‘strong’ and ‘weak’ passports? – Является ли такая новая обстановка мощным фактором развития, поскольку она устранит разделение на соответствующие и несоответствующие требованиям паспорта?

Автор использует кавычки для слов *strong / weak*, употребляющиеся в сочетании с существительным *паспорт*. Кавычки указывают на то, что эти категории имеют не совсем стандартное или привычное словарное значение. В контексте документов данные прилагательные описывают уровень свободы передвижения. Поэтому при переводе используются лексическая замена и предлагается вариант – *соответствующие / несоответствующие требованиям паспорта*.

В следующем примере для перевода еще одного участника миграционных процессов был использован прием стяжения с генерализацией:

*Even if stricter border controls in transit countries may “reduce departures from the country, it is likely to make the route more deadly—pushing smugglers to resort to taking greater risks”. – Даже если ужесточение пограничного контроля в странах транзита может «сократить количество иммигрантов, это, скорее всего, сделает маршрут более опасным, заставив контрабандистов пойти на серьезные риски» (Сигона, 2023, стр. 1). Автор указывает на связь между ужесточением пограничного контроля и последствиями для миграционных маршрутов. Он указывает, что контрабандисты, занимающиеся перевозкой мигрантов независимо от сложности пути, прибегнут к более рискованным маршрутам, что значительно увеличит количество нечастных случаев среди отбывающих людей, то есть иммигрантов, которые осознанно идут на возможные риски. В толковых словарях «departures» зафиксировано как 1) *the act or an instance of departing; 2) an act of leaving a place* [Oxford Learner's Dictionary, Collins Dictionary]. Исходя из контекста и логики изложения автора, мы приняли решение применить прием стяжения, чтобы облегчить восприятие текста и его понимание, и генерализовать, тем самым такое решение помогло нам адаптировать переводимый текст под русского читателя.*

Также, интересно отметить словосочетания *fleeing people, displaced person*, которые переведены также с помощью стяжения через генерализацию как *беженцы*:

While the earlier reception of neighboring countries toward fleeing people has often been well-coming, the assumption is that displaced person would return as soon as unrest or conflict in their country of origin ends. – Однако раньше соседние страны часто принимали беженцев радушно, предполагалось, что они вернутся на родину, как только прекратятся беспорядки или конфликты.

Выделим еще одно словосочетание *a plural vs neo-tribal framework*. Лексема *plural* зафиксирована как *denoting a word indicating that more than one referent is being referred to or described* [The free dictionary]. В социокультурном контексте концепция *plural* подчеркивает важность разнообразия культур, традиций, убеждений и практик. Это предполагает, что в обществе должны сосуществовать разные группы и идентичности, каждая из которых имеет право на самовыражение и признание. Концепция *neo-tribal framework* подразумевает, что современные люди организуют свои социальные связи и идентичности в рамках малых групп или «племен», основанных на общих интересах. Такая идентичность формируется общей активностью и связью внутри этих групп, тем самым становится временной и гибкой, что позволяет изменяться в зависимости от контекста общения. Мы применили прием модуляции, что позволило нам перевести *neo-tribal framework*, как концепция, которая описывает современные формы коллективной идентичности и социальной организации, напоминающие традиционные племенные структуры, но адаптированные к условиям современного общества. Таким образом, автор подчеркивает необходимость рассматривать миграционные процессы не только территориально, но и в контексте формирования новых идентичностей, основанных не на традиционных племенных и национальных рамках, а на взаимном сотрудничестве, а также определять такие поколения, как новых граждан мира.

Обратим внимание на еще один интересный случай, где автор на первый взгляд использует синонимичные лексемы *legality* и *legitimacy*. Отметим, что первая определяется как 1) *The state or quality of being legal; lawfulness*; 2) *Adherence to or observance of the law*; 3) *often legalities A requirement of law* [The Free Dictionary], что позволяет нам переводить экспликацией *полная законность*. Лексема *legitimacy* имеет такие значения как 1) *The quality or fact of being legitimate*; 2) *the state of being legitimate* [The Free Dictionary], которую мы переводим эквивалентным соответствием *легитимность*. Данные понятия имеют непосредственное различие, поскольку первая лексема относится к нормативным или правовым актам, то есть, если какое-либо действие разрешено законом, оно является легальным. А вторую лексему мы выделяем как более сложный процесс, в котором заключены не только правовые аспекты, но и моральные и этические соображения. При переводе мы столкнулись с интересной интерпретацией ситуации, которые не имеют четкой границы «черного» и «белого», «хорошего» и «плохого», в силу возникновения недостатка четких рамок закона или политических разногласий между сторонами. Для описания данного феномена, автор использует такое словосочетание как *grey areas*, которое в нашем переводе представлено калькированием, но с грамматической заменой числа, как *серая зона*.

Приведем еще один пример с интересным употреблением многозначной лексемы.

Their mobility experience is not spatial but social and inter-subjective: through virtual mobility and connectivity, they may be experiencing the breaking down and reorganization of social and kinship networks, as well as a level of political alienation or of anti-social radicalization as

they may feel that they have lost connection with the national governments but have not found any other political actors or institutions to fill the vacuum except for online communities. – Их опыт мобильности является не территориальным, а социальным и межсубъектным: посредством виртуальной мобильности и сети они могут разрушить и изменить социальные и родственные связи, а также достичь определенного уровня политического отчуждения или антисоциальной радикализации, поскольку они могут чувствовать, что потеряли связь с государством, но не нашли других политических субъектов или учреждений, которые могли бы заполнить пустоту, за исключением онлайн-сообществ.

В данном примере мы выделяем словосочетание *political alienation*, которое зафиксировано в толковых словарях, как 1) *estrangement from society; feelings of being an outsider, foreigner, or outcast;* 2) *estrangement from one's self; feelings of unreality or depersonalization;* 3) *alienation of affect; isolation of ideas from feelings, avoidance of emotional situations, and other efforts to estrange one's self from one's feelings* [The Free Dictionary]. Были предложены разные варианты перевода, например, *расстройство, охлаждение, разочарование, отчуждение.* В контексте политики данный термин обладает значениями утраты, дистанции, тем самым, автор имеет в виду потерю связи человека с политическими институтами своей страны, что приводит его к ощущению отдаленности и бессилия перед политическими процессами. Нами принято решение выбрать вариант *отчуждение*, что также позволяет нам интерпретировать смысл, который передает автор.

Довольно часто для трансляции специальной лексики в миграционном дискурсе используется прием калькирования: *integration crisis / интеграционный кризис, non-migrants / не мигранты, multicultural crisis / мультикультурный кризис.*

Отметим стилистические особенности, использованные автором в статье, что нехарактерно научному стилю в целом, и обозначить наши переводческие решения. При анализе статьи мы рассматривали данные особенности на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях, а также на уровне текста (анафора, анадиплосис), на уровне предложений (полисиндетон, антитеза, полиптотон, лексические повторы, омонимия, синтаксический параллелизм, риторические вопросы).

Автор на протяжении всего текста использует повторение в строке или фразе однородных гласных звуков – ассонанс или согласных – аллитерация. Такой прием позволяет сделать текст более мелодичным, что позволяет усилить эмоциональный фон, привлечь внимание к ключевым словам или фразам, подчеркнуть определенные образы или идеи, создать более яркие ассоциации и облегчить их запоминание, а также создать ощущение целостности между различными частями текста. Отметим такие примеры, как: ассонанс (*broader processes of globalization, development, technological transformation, urbanization; in favor of democracy in Hong Kong or to support; demography, sociology, economy, anthropology, geography, among others*); аллитерация (*situated, structural and systemic; policy*

processes and practices; crises, conflicts, climate change; private-public partnerships; situation since; governance gradually; different datasets); звуковая анафора и эпифора (*million / migration; motivations / modalities; dynamics / dimensions*); морфемная анафора и эпифора (*migration / solution / population; globalization / transformation / urbanization; internally / spatially / culturally; extremely / virtually / physically; contribute / complexities; intertwined / intersecting / intersectionalities*). В данном случае тяжело передать такие стилистические приемы, потому как не все лексемы зафиксированы с подобным построением фонетической структуры в русском языке. Мы придерживались норм русского языка. Такое решение не лишает текст экспрессивности и не нарушает целостность текста.

На уровне текста автор неоднократно использует прием анадиплосиса:

One strategy for achieving this is to argue for transnational solidarity. Such transnational solidarity can be that of a global ‘nation’ – an irredentist nation, a global diaspora, such as, argues Kastoryano, a transnational European Muslim community. – Одна из стратегий достижения этой цели – выступать за международную солидарность. Как утверждают Кастьяно и международное европейское мусульманское сообщество, такая международная солидарность может быть представлена мировой «нацией», такой как, ирредентистской нации, созданной с целью построения этнически единого национального государства или мировой диаспоры.

Использование анадиплосиса позволило автору создать плавность и связанность текста. Повтор последнего слова или последней фразы в предложении помогает закрепить в сознании читателя ключевые идеи и концепции текста. Также, таким способом он добавляет ритмичность и динамику тексту, добавляя эмоциональную выразительность изложения. Как правило, при переводе подобных примеров мы не сохраняли этот стилистический повтор, так как в русском языке это не распространённое явление, тем более для научного стиля.

Далее выделим примеры с разными стилистическими приемами, которые были рассмотрены на лексическом уровне. В тексте автор часто использует множественные лексические повторы в рамках одного предложения. Приведем самый яркий пример:

It would be necessary to engage into an analysis of how ‘digital nomads’ and digi-nauts will negotiate their identities in their remote work or digital citizenship communities and whether the identity processes activated there will (a) reformulate the interactive dynamics that I have tried to describe in my plural vs neo-tribal framework or that Tariq Modood has analyzed in his multicultural nationalism approach, (b) whether these identities will develop alongside dimensions of transnational nationalism of the kind that Kastoryano has analyzed, (c) whether we should conceptualize these two ‘realities’ as intertwined only through the individual as the locus of these different identities and what does this mean for our concepts of identity, citizenship, polity and so on. – Необходимо провести анализ того, как «цифровые кочевники» и люди, исследующие и осваивающие цифровые технологии и онлайн-пространства будут согласовывать свою идентичность в сообществах удаленной работы или цифрового гражданства, и будут ли

активируемые процессы идентификации пересматривать интерактивную динамику, которую я пытался описать в своей концепции культурного многообразия против концепции, которая описывает современные формы коллективной идентичности и социальной организации, напоминающие традиционные племенные структуры, но адаптированные к условиям современного общества или то, что Тарик Модуд анализировал в своем подходе мультикультурного национализма, будет ли тип идентичности развиваться наряду с масштабом транснационального национализма, который исследовал Кастьяно, должны ли мы понимать эти две «реальности» как взаимосвязанные, только через индивида, который является отправной точкой для проявления различных идентичностей, и что это означает для наших концепций идентичности, гражданства, государственного устройства и т. д.

В этом примере присутствуют сразу несколько повторов лексем *identity, citizenship, nationalism, analyzed, digital*. Таким образом, автор старается обратить внимание читателя на важность этих аспектов, выделяя их как ключевые для понимания общей концепции о миграции, а также интегрирует различные идеи, создавая эмоциональное воздействие на читателя. С первого взгляда может показаться, что такой прием нагружает текст и усиливает трудность его восприятия. Но при переводе и его анализе, мы понимаем, что таких повторов не всегда можно избежать, а в каких-то случаях, наоборот, важно сохранить. Частое употребление одной и той же лексемы позволяет придать тексту эмоциональную окраску и показать целевой аудитории ключевую идею, заложенную автором. Нами было принято решение, в зависимости от смысла предложения в некоторых случаях, опустить лексему или же наоборот, оставить или использовать наиболее подходящие синонимы. Это позволило нам сохранить идею и стиль автора, не нарушая восприятие текста. Обратим внимание, что кроме лексических повторов предложение осложнено полисинкетоном и синтаксическим параллелизмом, что также сохранено в переводе.

Автор, действительно, довольно часто использует прием полисинкетона.

A comprehensive view of the future of human mobility requires us to take a closer look into community displacement – particularly the loss of habitat through forced evictions for market purposes or because of climate change or also because of changes in environmental conditions brought about through plantation agriculture, mining or manufacturing. – Для комплексного взгляда на будущее мобильности людей нам необходимо более внимательно изучить перемещение общин, в частности, потерю места жительства в результате принудительных выселений в рыночных целях или из-за изменения климата, а также из-за изменений условий окружающей среды, вызванных плантационным сельским хозяйством, добывкой полезных ископаемых или переработкой сырья.

Автор целенаправленно разделяет предложение на отдельные составные, тем самым делая каждую часть более обоснованной. Он добивается плавности текста, переходя от одной мысли к другой, а также создает контраст или противопоставление между одной идеей

и другой. В подобных примерах, в зависимости от общего контекста и полного понимания идеи, мы могли сохранять структуру предложения, потому как это позволяет четко передавать идею автора, а в некоторых случаях основной трудностью было не нарушить логику изложения, поэтому мы изменяли грамматический тип предложения, которым автор создает противопоставление или же контраст.

Еще одной яркой стилистической особенностью текста миграционной тематики является полиптотон.

As such migration and mobility are shaped by broader processes of globalization, development, technological transformation, urbanization and in turn contribute to shaping those. – Таким образом, миграция и мобильность являются следствием более широких процессов глобализации, развития, технологической трансформации и урбанизации и, в свою очередь, способствуют их формированию.

In a recent study Recchi et al. estimate global transnational mobility at 3 billion trips annually worldwide compared to an estimated 10 million migration episodes annually in the early 2010s. – В недавнем исследовании Рекки и др. оценивают глобальную транснациональную мобильность в 3 миллиарда поездок в год по всему миру по сравнению примерно с 10 миллионами эпизодов миграции в год в начале 2010-х гг.

Taking stock of these observations, I am distinguishing among four types of mobility today: travel (people moving for business or leisure); migration (notably people moving in search of better living and working conditions or to reunite with family); asylum (people moving to seek international protection); and displacement (people or communities being forcibly moved). – Обобщая эти наблюдения, я различаю четыре типа современной мобильности: путешествие (люди, переезжающие из-за работы или для отдыха); миграция (в частности, люди, переезжающие в поисках лучших условий жизни и работы или для воссоединения с семьей); поиск убежища (люди, переезжающие в поисках международной защиты); и вынужденное переселение (люди или общины, переезжающие не по своей воле).

В данном случае автор использует повторение одного слова в разных формах. Таким способом он придает насыщенность тексту. Используя различные формы одного и то же слова, автор играет с ассоциациями, что в конечном итоге позволяет ему внедрять новую мысль, а также придает ритмичность тексту. Как показано в примерах при переводе в зависимости от контекста, мы принимали разные решения, в первом примере используются синонимы, во втором – опущение другой формы слова, в третьем – сохранение одной формы во всех случаях.

В английском языке лексема *migration* обозначает как существительное, так и прилагательное, поэтому вполне объяснимо, что мы сталкиваемся в тексте со случаями омонимии.

During the last decade there has been increasing recognition that migration is mixed in the sense that flows cannot be clearly classified as economic vs humanitarian and rather we need to account for combined drivers and mixed motivations which may even change during the migration project of an individual or household. – За последнее десятилетие все большее признание получила смешанная миграция в том смысле, что миграционные потоки нельзя четко классифицировать как экономические и гуманитарные, и вместо этого нам необходимо учитывать комбинированные движущие силы и мотивы, которые даже могут меняться в процессе миграции отдельного человека или семьи.

Автор играет со словами, не меняя их форму, но меняя их значение. Он показывает многозначность и важность термина, употребляя в разных контекстах. Такой способ делает текст более увлекательным и подчеркивает наиболее важные понятия в сфере миграции. В примере мы не сохраняем омонимию, предложенную автором, но тем не менее вводим прилагательное *migrationnny* при модуляции лексемы *flows*.

Миграционному дискурсу свойственно наличие многочисленных антитет. В процессе перевода мы выявили такие примеры с употреблением антитеты как: *virtually / physically mobile, desertification / rising waters, home / host territories, mobility / immobility, moving / stopping, start / stop, source / destination, fixed / flexible, quickly / slowly, short-term / longer-term, migrants / non-migrants, convergence / divergence, internal / international migration, temporary / circular migration, formal / non-formal*. Такой стилистический прием позволяет автору придать контраст и углубить понимание сути изложения. В переводе мы сохраняли данный прием, что позволило нам передать философские и моральные вопросы, заложенные автором, а также продемонстрировать разделение на семантические блоки, которыми автор формирует целостное понимание проблемы, логику и смысл рассуждений. Большое количество антитет в тексте демонстрирует сложность и противоречивость феномена миграции.

Также отметим, что автор использует в тексте статьи синонимы в одном предложении (*to recover and repair, cosmopolitan ‘nomads’ / creative class, adaptation / adjustment, raise and increase, refugee / asylum seekers, permanent / stable*), чтобы улучшить качество текста, разнообразить лексику, избегая повторений в предложении. Такой прием позволяет изменять логику изложения, показывать многогранность, а также добиться гармоничности текста. Нами было принято решение не сохранять такой стилистический прием, поскольку это делает текст нагруженным и тяжелым для восприятия:

Kastoryano notes that this invented and imagined transnational national community, fueled by external events such as wars, conflict in other countries, and colonial relations, re-ethicises identities through its zero-sum, militant discourse. – Касторьяно отмечает, что это выдуманное и международное государственное сообщество, подпитываемое внешними событиями, такими как войны, конфликты в других странах и колониальные отношения, деморализует население посредством неравной борьбы и агрессивного дискурса.

Следующая стилистическая особенность миграционного дискурса представлена употреблением большого количества эпитетов: *frantic return, forced migration, linear, uniform, and predictable notions, continuous and contingent flow, aggressive and exclusionary transnational nationalism, vulnerable essential migrant, entrenched issues, opaque border, fleeing people, an intriguing topic, challenging topic*. В этом случае, использовано средство выразительности языка, чтобы усилить впечатление читателя и сделать текст интереснее. Автор играет на ассоциациях читателя, все больше вовлекая их в происходящее. Такой способ делает текст уникальным и индивидуальным.

В тексте встречается эмоционально-оценочная лексика (*strong, week, positive, wrong, right*) и образность, выраженная фразеологизмами (*building onto, in the medium or long run*)

Стоит отметить, что автор использует нехарактерную научному стилю текста особенность, метафору. При переводе мы старались сохранить данную стилистическую особенность. Автор таким приемом упрощает сложные концепции, делая их доступными для широкой аудитории, иллюстрирует взаимодействие между разными элементами исследуемой темы и придает стилистическую окрашенность тексту.

Their mobility experience is not spatial but social and inter-subjective: through virtual mobility and connectivity, they may be experiencing the breaking down and reorganization of social and kinship networks, as well as a level of political alienation or of anti-social radicalization as they may feel that they have lost connection with the national governments but have not found any other political actors or institutions to fill the vacuum except for online communities. – Их опыт мобильности является не территориальным, а социальным и межсубъектным: посредством виртуальной мобильности и сети они могут разрушить и изменить социальные и родственные связи, а также достичь определенного уровня политического отчуждения или антисоциальной радикализации, поскольку они могут чувствовать, что потеряли связь с государством, но не нашли других политических субъектов или учреждений, которые могли бы заполнить пустоту, за исключением онлайн-сообществ.

В этом примере под словом *vacuum* мы понимаем, что наблюдается отсутствие эффективных решений институтов, обеспечивающих защиту прав мигрантов. Автор подчеркивает, что в процессе виртуальной мобильности, люди входят в состояние политической отчужденности, не имея возможности обратиться к другим структурам власти, что подталкивает их обращаться в онлайн-сообщества, которые становятся альтернативой для людей, где они могут найти пространство для взаимодействия и формирования групповой идентичности.

She notes that in a world of increased migration and inter – dependence, we witness the re-territorialisation of global identities through the backdoor. – Она отмечает, что в свете возрастающей миграции и взаимосвязи мы наблюдаем территориальное перераспределение людей в мире, происходящее через тайные пути. В примере автор использует в качестве

метафоры лексему *witness*, которую мы переводим, как *наблюдать*. Таким способом, он демонстрирует, что мы становимся свидетелями определенных процессов, происходящих в мире, которые люди осознают, находясь на стороне. Мы понимаем, что это не просто наблюдения, а осмысление трансформаций, которые накладываются на сценарии миграции, подчеркивая, что мы влияем на процессы, и вместе с тем становимся их свидетелями.

Автор также использует метафоричное выражение *through the backdoor*, намекая на то, что процесс перестройки идентичностей происходит не традиционно, а через менее формальные или заметные пути. Он указывает, что мы являемся свидетелями таких изменений, хотя они происходят вдали от общественного внимания. Мы сохранили данную стилистику и перевели, как *через тайные пути*.

В следующем примере *Are these the workers of tomorrow?* – Это ли рабочие завтрашнего дня?», мы сохраняем метафоричность, с помощью которой автор задает вопрос о будущих трудовых ресурсах, которые будут важны в быстро меняющемся мире. Мы понимаем не просто людей, которые будут выполнять рабочие функции, а тех, кто будет представлять собой новый тип работника, соответствующего требованиям будущей экономики. Примечательно, что автор упоминает в тексте развитие передовых технологий. Возможно, таким способом он хочет подчеркнуть, смогут ли такие работники адаптировать свои навыки, креативность, гибкость, способность к ускоренному обучению, к быстро изменяющимся условиям.

Однако не всегда было уместно сохранять метафору в переводе, например, в предложении: *Do migration law and migration sociology even speak to each other?* – Пересекаются ли друг с другом миграционное право и социология миграции? В данном случае для понимания произведена деметафоризация с помощью контекстуального синонима.

Интересно отметить, что в миграционном дискурсе используются заимствования из французского языка: *en route*.

На синтаксическом уровне автор использует прием синтаксического параллелизма.

A system may bounce back to the previous situation or it may even bounce forward in the sense of find a new, more positive equilibrium thanks to the changes implemented. – Система может стремительно вернуться назад к предыдущей ситуации или резко продвинуться вперед с точки зрения открытия нового, более позитивного самообладания, благодаря внедрению изменений.

There is also space for digital data to provide empirical evidence when there is a dearth of information. – В условиях нехватки информации, существует пространство для цифровых данных, которые предоставляют практические материалы.

Намеренное использование одинаковых грамматических форм текста или его структуры улучшает восприятие информации. Автор статьи структурирует изложение и делает текст более гармоничным, тем самым, помогая читателю следить за логической последовательностью аргументации. Он выделяет основополагающие моменты, тезисы,

подчеркивая их значимость, создает логическую связь между разными частями текста. В переводе, в зависимости от контекста и мысли автора, мы могли сохранять параллелизм, и опускать его, если он был избыточным для понимания. В статье автор часто задает вопросы с последующим ответом на них, то есть использует прием гипофоры, что позволяет ему побудить читателя глубже проникнуться и задуматься над обсуждаемой проблемой и, возможно, сформировать свои собственные выводы.

Заключение

На сегодняшний день, миграция, ее основные компоненты и аспекты становятся неотъемлемой и важной частью жизни человека и общества. Процессы взаимодействия языков и культур, могут иметь как положительные, так и негативные последствия. Благодаря исследовательским работам известных отечественных и зарубежных лингвистов, в нашей работе описан термин «дискурс» в современной лингвистике, обозначены его основные характеристики и подходы; описаны этапы становления, предмет и задачи миграционной лингвистики; представлено определение, структура и содержание миграционного дискурса и аспекты его изучения в современной лингвистике.

На материале перевода научной статьи «Rethinking Migration Studies for 2050» определены основные особенности и трудности трансляции англоязычного миграционного дискурса на русский язык. При переводе используются все виды переводческих трансформаций: лексические, грамматические, лексико-грамматические и технические. Трансляция специальной лексики на русский язык осуществляется с помощью приемов экспликации, конверсии, подбора эквивалентов, лексической замены, стяжения или генерализации, модуляции, калькирования. Текст статьи написан коллективом авторов, что являлось для нас определённой трудностью общего понимания замысла, так как они расходятся во мнении по поводу определения базовых категорий миграционного дискурса: миграция и мобильность. Каждый автор дает собственное определение этим категориям и интерпретирует их по-разному. Для решения такой трудности на самом первом этапе перевода нам потребовалась большая работа с англоязычными словарями, в том числе специализированными (демографические, социологические, политические).

В процессе перевода мы обратили внимание на то, как авторы выделяют характерные особенности миграции и мобильности через использование адъективных коллокатов, которые придают дополнительные оттенки значений и которые можно переводить на русский язык при помощи эквивалентных соответствий, прямого перевода, реже необходимы приемы модуляции или экспликации. В качестве еще одной трудности, мы выделяем стадию развития миграционного дискурса, который не обладает собственным субъзыком, в связи с чем возникают трудности при переводе большого количества синонимов лексемы *миграция* или основных ее участников, а также наличие заимствований и авторских неологизмов.

Англоязычному миграционному дискурсу свойственно наличие аббревиатур, например, всемирных организаций, которые не в полном объеме зафиксированы в целевом языке. Переводчику потребуется обращаться к разным источникам для пояснения той или иной организации. Нами было принято решение, транслировать их на русский язык и пояснить, используя сноски, чтобы облегчить читателю восприятие информации.

Поскольку текст написан в жанре научной статьи, ему не свойственно наличие эмоциональной и эстетической информации. Однако миграционный дискурс в английском языке стилистически насыщен такой информацией. Решение сохранять такие стилистические особенности или нет, зависит от контекста и адаптации перевода для целевой аудитории. Например, мы не сохраняли при переводе прием анадиплосиса, так как в русском языке это не распространённое явление для научного стиля. В случаях использования полисиндетона в зависимости от общего контекста и полного понимания идеи мы могли сохранять структуру предложения, потому как это позволяет четко передавать идею автора, а в некоторых случаях основной трудностью было не нарушить логику изложения, поэтому мы изменили грамматический тип предложения, которым автор создает противопоставление или же контраст.

Перспектива исследования заключается в анализе и переводе других текстов миграционной тематики в английском языке, что позволит расширить модель англоязычного миграционного дискурса путем выделения новых его категорий, а также дальнейшем формировании глоссария.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 446 с.
2. ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
3. Гийом Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М. : Прогресс, 1999. С. 124–136.
4. Двойникова М. И. Языковая реализация концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 2. С. 550–554. DOI: 10.30853/phil20230039 EDN: QPKOGQ
5. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста. М. : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР. 1979. № 39. 108 с. EDN: SFHRTN
6. Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 1. С. 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45 EDN: ZTSQQH
7. Зубарева Е. О. Ложкина Е. С. Комбинаторный потенциал концепта MIGRANTE в аргентинском варианте испанского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10. № 4. С. 66–82. DOI: 10.22250/24107190-2024-10-4-66 EDN: TUZFDO

8. Зубарева Е. О., Хамадиев М. И. Репрезентация концептосферы MIGRATION в английской фразеологии // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 59–70. EDN: WVBZOX
9. Панарина А. С., Пищальникова В. А., Радченко О. А. Этнопсихолингвистика как теоретико-методологическая база миграционной лингвистики // Этнопсихолингвистика. 2022. С. 7–27.
10. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М. : РГГУ, 1995. С. 35–73.
11. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4(2). С. 114–125.
DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125 EDN: SKZHXV
12. Шустова С.В., Платонова Е.А. Социальный агент «беженец» в миграционном дискурсе // Наука и практика в XXI веке : сборник научных статей. Сост. Е.В. Метельская. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2019. С. 36–39. EDN: ZBTLGP
13. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. London: Routledge. 1999. 163 p.
14. Guillem M. S. Migration discourse // The international encyclopedia of language and social interaction, 2015. Pp.1-10. URL: https://www.researchgate.net/profile/Susana-Martinez-Guillem/publication/282647111_Migration_Discourse/links/5b2579ff458515270fd40e0b/Migration-Discourse.pdf (дата обращения: 12 мая 2025). DOI: 10.1002/9781118611463.wbielsi100
15. Kerswill P. Migration and language // Soziolinguistik: International Handbook of the Science of Language and Society. Berlin: De Gruyter, 2006. Vol. 3. Pp. 2271-2285.
16. Triandafyllidou A. et.al. Rethinking Migration Studies for 2050 // Journal of immigrant & Refugee studies. URL:
https://www.researchgate.net/publication/376431608_Rethinking_Migration_Studies_for_2050 (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
17. Van Dijk T. A. Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates. 1980. 317 p.
18. Van Dijk T. A. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. by R. Zapa. 2018. 23 p.

Словари и энциклопедии

1. Большой энциклопедический словарь. 2007. URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 01.03.2025).
2. Глоссарий терминов в области миграции / Отв. ред. Р. Перрушу. Женева : Международная организация по миграции (МОМ). 2005. 98 с.
3. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. 1999. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/index.htm> (дата обращения: 05.03.2025).

4. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М. : Издат-во РСГУ, 2007. 472 с. URL: [\(дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025\). ISBN: 978-5-7139-0526-2 EDN: OXNSCX](https://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/)
5. Collins Dictionary. URL: [collinsdictionary.com](https://www.collinsdictionary.com) (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
6. Glossary on migration. URL: <https://www.onlinelibrary.iihl.org/wp-content/uploads/2020/05/2019-IOM-Glossary-on-Migration.pdf> (дата обращения: август – декабрь 2024).
7. Oxford Learner's Dictionary. URL: [oxfordlearnersdictionaries.com](https://www.oxfordlearnersdictionaries.com). (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
8. The Free Dictionary. URL: [thefreedictionary.com](https://www.thefreedictionary.com) (дата обращения: август–декабрь 2024).

Информация об авторах

E. O. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Д. А. Колотов – бакалавр,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation, Perm State University;
D. A. Kolotov – Bachelor, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted to the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 25.04.2025; accepted for publication on 20.06.2025.